

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра всеобщей истории

**Франция и французы глазами англичан
(британские травелоги 1814 – 1815 годов)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 411 группы очной формы обучения
направления 46.03.01 «История»
Института истории и международных отношений
Беспаловой Дарьи Алексеевны

Научный руководитель
д.и.н., профессор

_____ А.В. Гладышев

Заведующий кафедрой
д.и.н., профессор

_____ Л.Н. Чернова

Саратов 2024

Введение. История взаимоотношений Англии и Франции полна драматизма. Столетиями эти страны были вовлечены в кровопролитные войны, их народы воспринимали друг друга как врагов. Однако даже в периоды конфликта между двумя странами существовали тесные культурные и политические связи, которые не раз становились катализатором как взаимной симпатии, так и ненависти. Революционные войны, а затем и Наполеоновские войны, на долгие годы развели Англию и Францию по разные стороны баррикад. Непосредственные контакты между странами были практически прерваны. Изоляция породила страх и недоверие, а единственным источником информации о «чужом» стала государственная пропаганда. Окончание Наполеоновских войн открыло новую эру в истории взаимоотношений Англии и Франции. Заключение мира стало сигналом для англичан, которые, уставшие от войны, жаждали новых впечатлений. Париж, «город-символ» Французской революции, стал магнитом, притягивающим любопытных и искателей приключений. В 1814 году в Париже хлынул «ливень из англичан». В город прибывали сотни иностранцев, в основном из Англии. Это были дипломаты, военные, журналисты, люди свободных профессий, коммерсанты а также просто любознательные туристы, желающие посмотреть на город, «откуда все началось», и на страну, с которой столь долго воевали.

Степень изученности темы. Научную литературу, используемую при работе над данной темой, можно условно разделить на несколько тематических групп.

Важные для нас теоретические и методические аспекты мы можем обнаружить в исследованиях, посвященных приемам работы с травелогами (работа О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова¹), анализу повседневности (работа Н.Л. Пушкаревой²) или формированию национального характера (работы А.М. Черны-

¹ Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. Травелог: Теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург, 2021. – 266 с.

² Пушкарева, Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований, 2010 [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 01.05.2024) – Загл. с экрана.

ша³ и А.П. Василевича⁴), а так же у авторов, которые связывают свои труды с собственно имагологией (работы М.А. Бойцова⁵, О.С. Поршневой⁶, В.В. Орехова⁷). Как отдельную группу можно представить исследования, касающиеся конкретно-исторических вопросов представлений европейцев о Франции и французах в н. XIX в., с одной стороны, и представлений французов об иных народах и странах, с другой (работы отечественных франковедов В.А. Мильчиной⁸, М.В. Губиной⁹, А.В. Гладышева¹⁰, А.В. Чудинова¹¹, Н.В. Промыслова¹² и В.С. Болт¹³ (Пруцаковой), а также зарубежных авторов – М.-П. Рей¹⁴, А. Собуля¹⁵ и Ж. Тюлара¹⁶, Стюарта Семмела¹⁷, Алана Форреста¹⁸). Значительное ме-

³ Черныш, А.М. К вопросу о сущности национального характера // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 4. – С. 243–255.

⁴ Василевич, А.П. Откуда берется представление о национальном характере? // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 76–88.

⁵ Бойцов, М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / под ред. М. А. Бойцова и Ф. Б. Успенского. – СПб., 2010. – 384 с.

⁶ Поршнева, О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская науч. конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, д.и.н., проф. А.В. Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. – Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 126–129.

⁷ Орехов, В.В. Предыстория отечественной имагологии: традиция как целеуказание // Имагология и компаративистика. – 2020. – № 14. – С. 143–167.

⁸ Мильчина, В.А. Эстетика раннего французского романтизма. – М., 1982. – 479 с.; Мильчина, В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. – 944 с.

⁹ Губина, М.В. «Война перьев» в 1812 году // Французский ежегодник 2013. – М. – Т. 45. – С. 194–200.; Губина, М.В. Франция в восприятии русских военных – эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. сб. ст. вып. 1. / отв. ред. А.В. Голубев. – М., 2000. – С. 136–147.

¹⁰ Гладышев, А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М, 2017. – Т. 59. – С. 136–150; Гладышев, А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018. – М. – Т. 51. – С. 10–21; Гладышев, А.В. Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. – 2022. – № 4. – С. 151–168.; Гладышев, А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. – М., 2019. – 407 с.

¹¹ Чудинов, А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, У. Годвин, Дж. Макинтош. – М., 1996. – 301 с.

¹² Промыслов, Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. – М., 2016. – 254 с.

¹³ Болт, В.С. Конфликты между французским населением и военными русского оккупационного корпуса в 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2020. – М. – Т. 53. – С. 185–195.

¹⁴ Рей, М.-П. 1814. Царь в Париже. – М., 2017. – 247 с.

¹⁵ Собуль, А. Герой, легенда и история // Французский ежегодник. 1969. – М., 1971. – С. 233–254.

¹⁶ Тюлар, Ж. Наполеон или миф о «Спасителе» / пер. с фр. А. Бондарева. – М., 2009. – 362 с.

сто среди работ современных российских англоведов, занимающихся вопросами имагологии применительно к периоду н. XIX в. и посвященных восприятию англичанами «Другого», занимают публикации Н.И. Храпунова¹⁹, Т.А. Косых²⁰, В.С. Еремина²¹.

Цель работы состоит в том, чтобы при всех различиях авторских акцентов выявить в британских травелогах их общие составляющие образа Франции и французов.

В связи с указанной целью были поставлены следующие **задачи**:

– Так как в общественном сознании того времени все еще была распространена идея о зависимости национальных характеров от природно-климатических факторов и об отражении национального характера во внешнем виде пространства обитания человека, ставится задача выявить основные характеристики авторами травелогов среды обитания французов;

– Выявить характерные черты образа власти, персонифицированного в образе Императора французов;

– Проанализировать восприятие британцами французской армии в сравнении с их образами армий союзников;

– Рассмотреть взгляды британцев на повседневную жизнь французов, на их национальный характер, обычаи и нравы.

При написании работы использовались **письменные нарративные источники**: «Путешествие по Франции в 1814 – 1815 годах: включая описания про-

¹⁷ Semmel, S. Napoleon and the British. – New Haven; London, 2004. – 376 p.

¹⁸ Форрест, А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн / пер. с англ. А.Ю. Терещенко. Под ред. А.В. Чудинова, Н.В. Промыслова. – М., 2022. – 280 с.

¹⁹ Храпунов, Н.И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. – Севастополь, 2022. – 360 с.

²⁰ Косых, Т.А. Британский взгляд на французскую оккупацию Испании и Португалии в 1807–1814 гг. // Французский ежегодник 2019. – М. – Т. 52. – С. 203–216.

²¹ Еремин, В.С. Образ армии союзников на страницах британских травелогов в 1814–1815 гг.: к постановке проблемы // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, А.С. Мезина. – Саратов, 2021. – №22/23. – С. 183–196; Еремин, В.С. Современная англоязычная историография оккупации Франции 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2021. – М. – Т. 54. – С. 324–347.; Еремин, В.С. Солдаты армии союзников после Ватерлоо: взгляд британской путешественницы Ш.А. Итон // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов, 2023. – Вып. 27. – С. 59–68.

живания в Париже во время пребывания союзных армий, и в Эксе, в период высадки Бонапарта» Арчибальда Элисона²², «Посещение Парижа в 1814 году: обзор морального, политического, интеллектуального и социального состояния французской столицы» и «Париж, возвращение в 1815 году через Брюссель: включая прогулку по полю битвы при Ватерлоо» Джона Скотта²³, «Дневник Джона Мэйна, составленный во время поездки по континенту после его повторного открытия после падения Наполеона, 1814 год»²⁴, «Путешествие по некоторым частям Франции, Швейцарии, Саксонии, Германии и Бельгии в течение лета и осени 1814 года» Ричарда Бойла Бернарда²⁵. Также в поисках комментариев и откликов на эти травелоги нами использованы некоторые *периодические издания* того времени²⁶.

Бакалаврская работа состоит из введения; трех глав (первая глава – Про странственные образы Франции и Парижа, вторая глава – Военно-политические образы: «Свои» и «чужие» – состоит из трех параграфов, третья глава – Фран цузы в повседневной жизни – состоит из двух параграфов); заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы. Многие современники считали, что природные, климатические и географические условия формируют характер, обы чаи и общество в целом. Концепция географического детерминизма утверждает, что на развитие общества влияют природные силы. Первые впечатления путешественников и их оценки иностранных культур и стран играют важную роль

²² Alison, A.B. Travels in France during the years 1814–1815: comprising a residence at Paris, during the stay of the allied armies, and at Aix, at the period of the landing of Bonaparte. – Edinburgh, 1815. – Vol. 1. – 289 p.; Alison, A.B. Travels in France during the years 1814–1815: comprising a residence at Paris, during the stay of the allied armies, and at Aix, at the period of the landing of Bonaparte. – Edinburgh, 1816. – Vol. 1. – 363 p.

²³ Scott, J. A Visit to Paris in 1814: Being a Review of the Moral, Political, Intellectual, and Social Condition of the French Capital. – London, 1815. – 432p.; Scott, J. Paris revisited, in 1815, by way of Brussels: including a walk over the field of battle at Waterloo. – London, 1816. – 405p.

²⁴ The journal of John Mayne, during a tour on the continent upon its reopening after the fall of Napoleon, 1814 / ed. by his Grandson John Mayne Colles with numerous illustrations. – London; New York, 1909. – 376p.

²⁵ Bernard, R.B. Tour through some parts of France, Switzerland, Saxony, Germany, and Belgium, during the summer and autumn of 1814. – Philadelphia, 1821. – 234p.

²⁶ North-American Review and Miscellaneous Journal. – Boston, 1833. – Vol. XXXVII. – 556p.

в формировании коллективных представлений. Британские путешественники писали о своем опыте, делаясь наблюдениями и впечатлениями о Париже и французской сельской местности.

Британские путешественники, посетив Париж, были поражены его уникальной атмосферой, архитектурой и культурными достопримечательностями. Они отметили высоту каменных домов, живописные, но узкие улицы и очаровательные площади. Собор Парижской Богоматери, хотя и впечатлил, не оправдал их ожиданий в отношении величия. Лувр, напротив, описывается как «царство бессмертия», наполненное блестящими творениями. Любовь французов к искусственной красоте и декоративному оформлению также была примечательным аспектом, как и их склонность отдавать предпочтение величию и царственности перед естественной красотой.

Британские путешественники стекались в Пале-Рояль, символ двойственности Парижа, где сосуществовали добродетель и порок. Этот квартал был центром развлечений с игорными домами, привлекавшими чиновников и полицию. Слава Пале-Рояля достигла своего пика, и он стал центром диалога между британцами и французским обществом. Порой они противоречат сами себе: то им не нравится ухоженность Версальского парка и пышность дворца, то «дикость» ландшафта парка Фонтенбло, которые символизируют, соответственно, строгую регламентацию и иерархию Старого Порядка и «природность» необузданной природы Наполеона. Помимо картины Парижа с его архитектурой и культурными объектами, помимо зарисовок дворцовых ландшафтов и описания «мест памяти» они обратили внимание, что склонность французов к общению вне дома, любовь к общественным местам – следствие климата. Места, связанные с британскими победами, казались им гораздо более привлекательными и позитивными, чем сама Франция. С другой стороны, путевые заметки фиксируют и положительные стороны Франции. Путешественники отмечают обилие развлечений в Париже, что свидетельствует о бурной культурной жизни города, несмотря на сложные экономические условия, которые переживала наполеоновская и постнаполеоновская Франция.

Правление Наполеона породило мифологизацию еще при его жизни, когда появились две противоположные легенды: «белая» и «черная». У британских путешественников сложилось о Наполеоне двойственное впечатление: некоторые восхваляли его борьбу с католицизмом или военную отвагу. Однако доминирующим образом был образ врага, корсиканца, «не француза». Антинаполеоновская пропаганда привела к расколу Франции на молчаливых бонапартистов и антибонапартистских противников. Англичане показали Наполеона сложной и многогранной личностью: одни критиковали его политические амбиции, другие считали его тираном, который больше заботился о личных интересах, чем о будущем своей страны.

Британские авторы отмечали устойчивость «белой» легенды о Наполеоне. Его личность и влияние на Францию были настолько сильны, что даже поражение и роялистские памфлеты не смогли полностью очернить его образ. Даже после отречения от престола он продолжал влиять на общественное мнение, распространяя свой миф о несправедливом обращении со стороны своих противников. Популярность Наполеона во Франции – следствие тщеславия французов как черты их национального характера. Отношение к императору французов самих авторов травелогов негативно. С одной стороны, они признавали его харизму и способность вдохновлять людей на великие свершения, отмечали талант Наполеона в пропаганде и манипулировании общественным мнением. С помощью тщательно продуманных речей и тщательно отредактированных отчетов о своих победах он смог создать собственный культ. С другой стороны, они пытаются поставить под сомнение не только его личные качества, рассуждая о его чрезмерной самоуверенности, эгоизме и жестокости, но и его способности как военно-политического стратега, акцентируя при этом таланты Веллингтона. Образ Наполеона в британских журналах о путешествиях отражает сложного и многогранного человека, изменившего европейскую историю: одни, восхищаются им и уважают, а другие считают его самоуверенным, льстивым и эгоистичным.

Британские путешественники писали в своих путевых заметках об уникальных качествах, культуре и традициях французской армии, уделяя особое внимание военному духу, дисциплине и национальной самобытности страны. Они часто противопоставляли французский подход к войне своему собственному, считая, что французами движет стремление к национальному величию, в то время как британцы считали, что ими движет чувство личной ответственности. Контроль Наполеона над армией рассматривался как символ «военного деспотизма», и его солдат часто изображали одержимыми страстью к войне. Англичане также отмечали культ военной службы во французской армии и важность дисциплины, самоотверженности и мужества. Однако Р. Бернارد и Дж. Скотт критически отнеслись к послевоенному расформированию французской армии и, как следствие, безработице и безделью ее бывших солдат.

Британские травелоги часто изображали французских солдат высокомерными и амбициозными. Наблюдения Дж. Скотта подкрепляли это мнение, описывая французскую армию как деспотичную и положение, при котором граждане становились инструментами государства. Напротив, А. Элисон восхищался характером французской армии, описывая ее как неугомонную, жизнерадостную и гибкую. Французы, включая крестьян и землевладельцев, в целом проявляли большой интерес к славе французского оружия. Однако землевладельцы часто более критично относились к репутации армии. Битва при Ватерлоо заставила некоторых усомниться в военной мощи Франции, но Дж. Скотт встретил парижанина, который отрицал поражение.

Еще одной составляющей дискурса об армии в травелогах является сравнение обучения во французской «Ecole Militaire» («Военной школе») с английскими военными училищами, начиная с оценки внешнего вида солдат и заканчивая их отношением к армейской субординации.

Французская армия представлена как более разнообразная: молодые люди поступают на службу в качестве рядовых солдат в надежде получить знания, но со временем разворачиваются военной службой. Английские военные училища преподносятся в путевых заметках как более эффективные и дисциплинированные.

ные. Британцы изображают французскую армию любящей свою армию и утверждающей свое превосходство, несмотря на поражения, при этом французы ценят воинскую честь и долг, но не применяют их на практике. Имидж французской армии меняется в зависимости от ситуации и служит основой для британской национальной идентичности, подчеркивая профессионализм, дисциплину и уважение, присущие британским солдатам.

В 1814 году Париж сдался союзным войскам, что ознаменовало военный триумф и перелом в европейской политике. Французские граждане испытывали смешанные чувства по поводу оккупации: одни не выказывали страха, а другие становились все более встревоженными. Как отмечали англичане, войска союзников патрулировали улицы, а солдаты союзной армии свободно посещали общественные места, такие как Пале-Рояль, Елисейские поля и Лувр. Дж. Скотт сообщает нам, что между французскими и прусскими солдатами возникла напряженность, часто из-за попыток пруссаков остановить высокомерие французов.

Лувр, символ французского культурного наследия, был предметом особых споров, ходили слухи о том, что союзники пытались украсть экспонаты. Французы были полны решимости защитить свои художественные сокровища, которые они считали более важными, чем потеря земли или личной свободы, и были готовы сражаться за них.

Описаниям армий британских союзников уделяется в травелогах меньше места. Отмечаются конфликты с любившими выпить и агрессивными пруссаками, которые хотели отомстить французам за унижения и грабежи 1806-1807 гг. Упоминается хотя и с некоторым оттенком инферральности прекрасный боевой дух и стойкость русских солдат, которые склонны к крепким напиткам, что является едва ли не чертой их национального характера (при этом признавалось, что пруссаки в целом пьют больше). Русские офицеры необычайно щедры (что позволяло парижанам неплохо на них заработать), а солдаты суеверны: они не грабили мертвецов, хотя по отношению к живым в этом себе не отказывали. Казачьи бивуаки на Елисейских полях – символ позо-

ра французов. По мнению британцев, Александр I – человек скромный, но с решительным характером и твердым умом, а со слов французов – еще приятный и отзывчивый. Французы представляли его как главного освободителя от деспотизма, что немного принижало вклад англичан в победу над Наполеоном, но прямых возражений со стороны авторов травелогах не вызывало.

Британские путешественники, сравнивая французскую армию со своей, подчеркивали ее профессионализм и дисциплину. Однако, в этом уважении скрывалась и доля недоверчивости. Французские солдаты воспринимались как «неприятные» противники, опасные и способные на жестокость. Этот образ укреплял в сознании британцев представление о своей армии как о бастионе порядка и цивилизации, стоящем на страже от варварства и хаоса.

В XIX веке, в условиях политической напряженности, интерес к национальному сознанию стремительно возрастал. Это было время, когда многие страны стремились к укреплению своей национальной идентичности. В этом контексте, в травелогах национальная тематика занимает особое место.

В травелогах смысл понятия «нация» абстрактен, он не дает возможности уловить, что именно имели в виду путешественники, используя это слово. В самых общих чертах это – некая группа людей, которые проживают на одной территории и связаны общим прошлым. Процессы поисков национальной идентичности еще шли и, в том числе, методом «от обратного»: лучше понимая, кто такие французы, британцы лучше понимали, кто такие они сами.

Путешественники А. Элисон и Дж. Скотт описали национальный характер французов, отметив такие общие черты, как скептицизм по отношению к религии, индивидуализм и общительность. Элисон обнаружил, что, несмотря на отсутствие различий между столичными и провинциальными французами, парижане считались высшим образцом французскости. Скотт подчеркнул склонность стремления к личной славе, а также их открытость. Кроме того, французы известны своей любовью к разговорам с целью понравиться другим и привлечь к себе внимание. Эта черта разговорного стиля англичане считают ключевой чертой французского национального характера. Кроме того, французы наблю-

дательны и любят выставлять себя напоказ, а стремление к вниманию является их основной движущей силой. Общественная жизнь парижан вращается вокруг клубов, кафе и учреждений, где они делятся мыслями и общаются друг с другом. Французская культура в британских травелогах представляет собой уникальное сочетание утонченности, темперамента и таланта с интригующей историей.

Осознавая, специфику нравов населения различных регионов Франции, путешественники все же пытаются определить «специфически французские черты» характера. «Величие и упадок», «жестокость и филантропия», «патриотизм и предательство» – эти противоречия, словно нити, сплетают сложную мозаику французской нации. Англичане отмечают парадоксальное сочетание элегантности и непоследовательности в поведении французов. С одной стороны, они восхищаются изысканностью французской культуры, аристократическими манерами и утонченным искусством. С другой стороны, они шокированы отсутствием пунктуальности и открытым выражением эмоций.

Британские путешественники заметили, что черты национального характера во Франции проявляются не только в политике или сражениях, но и в повседневной жизни. Они наблюдали за манерами французов, находя их принципиальными и респектабельными в отличие от распущенности британцев. Женщин уважали и относились к ним с достоинством, но они были в значительной степени исключены из общества, а мужчины распоряжались их жизнями.

Парижанки потрясли британских путешественников своей уникальной магией, проявляющейся в их манере держаться и соблазнительности. Джон Скотт отмечает, что они придают первостепенное значение своему женскому обаянию, а француженки открыто обсуждают свои вполне понятные похождения. Англичане, напротив, по-другому относятся к порокам. Скотт обеспокоен тем, что поведение парижанок может развратить общество. Он отмечает, что француженки любят читать романы, и находятся под влиянием аристократической свободы нравов.

Британские путешественники отмечали, что французы не придают большого значения внешнему виду, даже у утонченных людей есть недостатки. Вежливость во Франции часто преувеличена, но также может быть неискренней или даже агрессивной. В отличие от этого, английская вежливость более искренняя и предполагает разговорчивость и искренние улыбки. Французы ставят независимость и личную свободу выше социальных норм, что может привести к кажущейся грубости.

Фундаментальные различия в семейных ценностях и социальном поведении англичан и французов проявляются даже в особенностях устройства быта в их домах: семейные ценности не воспламеняют французские сердца. Несмотря ни на что, французы сохраняли свой надменный настрой и уверенность в своем превосходстве.

Таким образом, англичане подводят нас к тому, что французское общество преобразилось после революции, перейдя от слепого поклонения титулу к примирению с деспотизмом. Несмотря на этот сдвиг, этика и добродетель не стали решающими факторами. Французы сочетают утонченность и грубость, соблюдая социальные нормы и в то же время нарушая их. Они ценят индивидуальность, комфорт и самовыражение, что проявляется в их эклектичных домах, разнообразном графике приема пищи и готовности напрямую комментировать происходящее.

Заключение. Подводя итоги, следует сказать, что в XIX веке британские путешественники сыграли значительную роль в формировании образа Франции и французов в европейской культуре.

Их наблюдения, оценки и воспоминания были важным источником информации о французском обществе того времени, они отражают процесс формирования представлений о «Другом» и механизмов самоидентификации народов.

Образ Франции, сформировавшийся в результате анализа британских травелогов 1814 – 1815 годов, был двойственным, сочетая в себе элементы разочарования и восторга. Путешественники отмечали бурную культурную жизнь Па-

рижа, несмотря на сложные экономические условия, и восхищались стратегическими решениями и харизмой Наполеона. Однако они также видели в нем тирана и злодея. Британцы также характеризовали французскую армию времен Наполеона и армию союзников, отмечая их дисциплину. Британские травелоги попытались отгадать загадку французского характера, в котором, как они считали, были такие противоречия, как величие и упадок, жестокость и филантропия.

Дальнейшая работа над этой тематикой имеет большой потенциал для улучшения межкультурного взаимопонимания народов и сотрудничества между «своими» и «чужими».